

ГРОССМЕЙСТЕРЫ
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ЛЕОНИД
МЛЕЧИН

ШЕЛЕПИН
И ЛИКВИДАЦИЯ
БАНДЕРЫ

Гроссмейстеры тайной войны

Леонид Млечин

Шелепин и ликвидация Бандеры

«Алисторус»

УДК 355.40(47+57)
ББК 67.401.212

Млечин Л. М.

Шелепин и ликвидация Бандеры / Л. М. Млечин — «Алисторус»,
— (Гроссмейстеры тайной войны)

ISBN 978-5-906842-58-9

Александр Николаевич Шелепин вошел в историю как человек, организовавший осенью шестьдесят четвертого года свержение Хрущева. Именно Шелепина считали тогда самым реальным кандидатом на пост руководителя партии и государства – его имя гремело не только в нашей стране, но и за рубежом. Возглавив в 1958 году КГБ, он сделал упор на электронную разведку и работу дешифровщиков, которые читали иностранную шифропереписку. Именно тогда внутри Первого главного управления создали отдел, весьма успешно занимавшийся проникновением в иностранные посольства за границей и вербовкой шифровальщиков. При Шелепине Комитет госбезопасности сконцентрировал усилия на «активных мероприятиях», для чего в январе 1959 года был создан отдел «Д», отвечавший в том числе за проведение операций по устранению убежавших на Запад врагов советской власти. Одной из таких операций стала ликвидация Степана Бандеры.

УДК 355.40(47+57)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906842-58-9

© Млечин Л. М.
© Алисторус

Содержание

От автора	6
Охота на Бандеру	10
Шоколад от Судоплатова	17
Судьба Западной Украины	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Леонид Млечин
Шелепин и ликвидация Бандеры

© Млечин Л., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

От автора

25 декабря 1958 года председателем Комитета государственной безопасности был назначен Александр Николаевич Шелепин. Ему было всего сорок лет. Он никогда не служил в госбезопасности. Отказывался от назначения.

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев наставительно пояснил, что работа в КГБ – это такая же партийно-политическая работа, но со спецификой. В комитете госбезопасности нужен свежий человек, который был бы нетерпим к любым злоупотреблениям со стороны чекистов. И в заключение, вспоминал сам Шелепин, Никита Сергеевич неожиданно сказал:

– У меня к вам еще просьба: сделайте все, чтобы меня не подслушивали.

Хрущев доверял Шелепину, считал его своим человеком. И вознес очень высоко. Пост председателя КГБ станет для Александра Николаевича лишь ступенькой на пути к Олимпу. Но первым человеком в стране он не станет.

Эта книга не появилась бы на свет, если бы много лет назад я не познакомился с Александром Николаевичем Шелепиным. Это произошло в середине семидесятых годов на Северном Кавказе, в городе Железноводске, известном своими минеральными водами. Я учился тогда в московском университете и жарким летом оказался вместе с родителями в санатории «Дубовая роща», где поправляли здоровье те, кто, говоря медицинским языком, жаловался на органы пищеварения.

Место не слишком веселое, но располагающее к раздумьям. Три раза в день обитатели санатория организованно направлялись к живительному источнику, потом располагались в столовой. Санаторий был для начальства, поэтому все друг друга знали, встречали и проводжали друг друга в соответствии с занимаемой должностью. Разница в служебном положении ощущалась во всем. Скажем, обитатели люксов сдавали анализы без очереди, а сеансы массажа у них были подлиннее.

Пожалуй, единственным свободным от чинопочитания был я – как лицо в ту пору очень молодое и неноменклатурное.

Среди отдыхающих выделялся посол в одной из скандинавских стран, бывший партийный работник из Сибири, с роскошной седой шевелюрой, доброжелательно посвятивший меня в тонкости дипломатического протокола. Единственный трехкомнатный люкс занимал мрачный заместитель министра внутренних дел. Его замкнутость и тоскливое выражение лица объяснялось необходимостью в течение месяца ограничивать себя в самом необходимом. Рассказывали, что весь срок в санатории замминистра крепче минеральной воды ничего в рот не берет, зато остальные одиннадцать месяцев ни в чем себе не отказывает. Но будто бы чем больше коньяка выпьет, тем лучше работает. Говорили, что даже во время заседания коллегии министерства он вдруг просил разрешения выйти.

Министр, понимая, в чем дело, не возражал. Замминистра поспешно уходил в свой кабинет, вынимал из сейфа вожаденную бутылку пятизвездочного, делал порядочный глоток и, вернувшись в зал заседаний, выступал разумнее всех.

С главным редактором одного партийного журнала, тоже поправлявшего здоровье в санатории, мы вместе оказались в кинозале. Показывали модный тогда фильм, где парочка (весьма целомудренно) предавалась любви подальше от шума городского. Выходя из зала, я из вежливости поинтересовался у главного редактора:

– Как вам понравился фильм?

Он изумил меня ответом:

– Я еще не готов ответить на этот вопрос.

На следующее утро, увидев меня, он отвел меня в тени и сказал:

– Ты спрашивал вчера о фильме. Так вот...

И главный редактор, бывший заведующий сектором отдела пропаганды ЦК КПСС, изложил мне выдержанную, четкую, глубоко партийную оценку: с одной стороны, с другой стороны, вместе с тем... Я восхитился: это было железное правило, привычка, впитавшаяся в плоть и кровь – ни одного необдуманного и невзвешенного слова! Прежде чем что-либо сказать – подумай! Даже в разговоре с каким-то студентом.

Но главный редактор был светочем мысли и просто даже вольнодумцем по сравнению с нашим соседом в столовой.

За нашим столиком оказался первый секретарь Пятигорского горкома Иван Сергеевич Болдырев, сравнительно молодой человек. Он почему-то держался крайне настороженно. Избегал общения с другими отдыхающими и только осматривал высокопоставленных чиновников внимательным взглядом. Сам он ни о чем не рассказывал. На вопросы отвечал, хорошенько подумав, и только на нейтральные темы – о семье, о сыне, которому подарил только-только появившиеся тогда электронные часы по случаю поступления в Бауманское училище.

Иван Сергеевич, видимо, еще крепче редактора партийного журнала усвоил, что молчание – золото. Ей-богу, свет не видел более осторожного человека.

Я заметил, что наш сосед почему-то никогда не подходил к отдыхавшему в том же санатории своему непосредственному начальнику Виктору Алексеевичу Казначееву, второму секретарю Ставропольского крайкома партии. Они словно не замечали друг друга. Видно, отношения в краевой верхушке были непростые.

Казначеев был человек иного типа, чем Болдырев, очень заметный и даже шумный. Официантки так и порхали вокруг него, готовые исполнить любое желание второго человека в крае. Санаторий хотя и подчинялся Москве, но находился на территории края, и Казначеев вел себя по-хозяйски. Кстати говоря, имя главного хозяина – первого секретаря Ставропольского крайкома – в разговорах ни разу не возникло. А ведь это был не кто иной, как Михаил Сергеевич Горбачев. Пройдет каких-нибудь пару лет, и его имя услышит вся страна.

Характерно, что Горбачев впоследствии забрал Виктора Казначеева в Москву, но дал ему сравнительно невысокую должность заместителя министра. А нашего соседа-молчальника, Ивана Болдырева, посадил на свое место, сделал хозяином огромного края.

Но все лечившиеся в санатории начальники в упор не замечали одного из отдыхающих, немолодого уже человека в трикотажной рубашке с короткими рукавами. И не потому, что он никому не был известен. Совсем наоборот. Его-то знали все и каждый! Но, встретив его в столовой или на дорожке, ведущей к источнику минеральной воды, те, кто постыдливее, отводили взор и заговаривали с женой, остальные равнодушно скользили по нему взглядом, даже не делая попытки поздороваться.

Одиноким отдыхающим находился в опале. Это было страшнее, чем проказа. Решительно никто не желал оказаться рядом с ним даже в лифте или тем более сесть за один столик. А вдруг кто-то доложит о странном интересе к опальному политику? О чем это он с ним говорил? Подсел к нему... Прогуливался вместе... А зачем? Уж не группа ли сколачивается, может быть новая политическая оппозиция? Это что же, вызов генеральному секретарю? И все, и конец карьеры...

В роли санаторского прокаженного пребывал Александр Николаевич Шелепин, недавний член политбюро. Бывшего комсомольского вожака, бывшего председателя КГБ, бывшего главу комитета партийно – государственного контроля, бывшего секретаря ЦК и заместителя председателя Совета министров СССР перевели – словно в насмешку – на незначительную должность во второразрядное ведомство.

А ведь этот человек обладал счастливым даром сплачивать вокруг себя людей. Некоторые из них остаются его искренними поклонниками и по сей день. В пору расцвета и стремительной карьеры его за глаза называли «железным Шуриком» с намеком на «железного Феликса».

Александр Николаевич Шелепин вошел в историю как человек, организовавший осенью шестьдесят четвертого года свержение Хрущева. Когда Никиту Сергеевича сняли со всех постов и отправили на пенсию, многие именно Шелепина считали самым реальным кандидатом на пост руководителя партии и государства.

Влиятельные и весьма близкие к высшей власти люди уверенно говорили, что Леонид Ильич Брежнев – фигура слабая и временная и скоро его сменит Шелепин. Его имя гремело. И в нашей стране, и за рубежом многие были уверены, что он вот-вот станет главой государства. Он приехал в Москву худеньким школьником поступать в институт и сделал фантастическую карьеру.

Он выиграл множество схваток, но одну все-таки проиграл. Брежнев и его окружение постепенно оттеснили его от власти. Его изъяли из большой политики. Исчезли его фотографии, перестали упоминать его имя.

Александр Шелепин был совсем другим человеком, чем Леонид Брежнев. И по характеру, и по взглядам, и по образу жизни. Если бы Шелепин возглавил страну, застоя, скорее всего, не было бы. Возможно, не было бы и перестройки. А следовательно, и Советский Союз бы не распался. Вся история нашей страны пошла бы иным путем...

Отдыхал в тот год Александр Николаевич в железнодорожном санатории без семьи, и это только подчеркивало его одиночество. Могу себе представить, каково ему было видеть всю эту чиновничью рать, которая прежде заискивала перед ним, за три шага шапку ломала, а теперь даже не здоровалась.

Несложно было заметить, что и Шелепин инстинктивно сторонился людей. Сам ни к кому не обращался, повсюду ходил один, погруженный в свои мысли. Да и старался поменьше бывать на людях, сидел в своем номере, тем более что жара была страшная.

И во всем немаленьком санатории только мои родители самым любезным образом приветствовали опального политика. Не потому, что они были знакомы. Раньше видели его только на трибуне или на портретах. Просто иной образ поведения для них исключался. Как же не поздороваться с человеком, с которым каждый день сталкиваешься нос к носу? А если другие из трусости его не замечают, тем более следует быть вдвойне вежливым и внимательным.

Той завидной осторожности, которой в избытке обладали наши чиновные соседи по санаторию, у моих родителей не было. За что я их люблю и уважаю, хотя в конце концов именно это обернулось для них бедой. Общение с еще одним опальным политиком стоило отцу любимой работы, и уже они оказались в положении прокаженных, которых не узнавали недавние приятели. Ну да это другая история.

Родители даже разок уговорили Шелепина прогуляться вместе после ужина и повели его по дорожке, петлявшей вокруг многоэтажного корпуса. И стали, конечно же, расспрашивать про Сталина. Александр Николаевич рассказал, как после смерти вождя секретарей ЦК комсомола привезли на ближнюю дачу в Волынском и он своими глазами видел этот дом, бесконечные репродукции из «Огонька», которые Сталин развешивал на стенах...

В столовой я сидел лицом к входу, родители спиной. Поэтому получалось так, что каждое утро Александр Николаевич Шелепин, который – пойдя история иным путем – вполне мог стать главой нашего государства, входя в столовую, со мной одним приветливо здоровался и желал мне приятного аппетита, на который я в те годы и так не жаловался.

Маму эта забавная ситуация очень веселила. Она шутила:

– Раньше он с Леонидом Ильичом здоровался, теперь с тобой...

Я застал его на излете. А у молодого Шелепина – я потом видел его старые фотографии, просматривал кинохронику, взятую в Красногорском архиве, – было очень выразительное, интересное лицо, губы сомкнуты, взгляд внимательный, даже пронзительный.

Но и тогда, когда я познакомился с ним в Железноводске, в его глазах, в походке, манере говорить, в крепком рукопожатии было нечто, выдававшее в нем человека сильной воли, который до конца так и не реализовался.

Охота на Бандеру

В историю спецслужб Александр Николаевич Шелепин вошел в первую очередь потому, что в пору его председательства в КГБ был ликвидирован вождь украинских националистов Степан Андреевич Бандера.

Кинохроника Степана Бандеру не снимала. Провозглашенное им государство существовало всего несколько дней – и то лишь на бумаге. Насладиться властью он не успел. Немалую часть жизни провел за решеткой – в тюрьме или концлагере – и в подполье, скрываясь под чужим именем.

Наркомат госбезопасности – уже после войны – разослал чекистам его описание, весьма малосимпатичное: «Низкого роста, шатен, волосы редкие – почти лысый, некрасивый, худощавый, верхняя челюсть выдвигается вперед, так что верхняя губа у него всегда приподнята и видны зубы».

Набросать его портрет можно по фотографиям и рисункам. Для фото он позировал, выбирая выгодный для себя ракурс. Рисунки, выполненные соратниками или поклонниками, – комплиментарные. Каким же Бандера был в реальной жизни?

Невысокого роста, скорее даже маленький. Худощавая фигура аскета. Суровое и неулыбчивое бледное лицо, выдающее внутренние страсти. Холодный огонь в глазах. Беспощадный взгляд фанатика. Он с юности был охвачен национальной идеей и, казалось, только искал врага, чтобы его сокрушить.

Адольф Гитлер приказал посадить его в концлагерь, Иосиф Сталин распорядился уничтожить. Степан Бандера пережил обоих. Неисполненными остались два смертных приговора, вынесенных ему. И все-таки его убили. Когда все его высокопоставленные враги либо уже ушли из жизни, либо оставили политическую сцену.

23 января 2010 года в Киеве на торжественном собрании по случаю Дня соборности Украины президент Виктор Андреевич Ющенко заявил о посмертной реабилитации руководителя Организации украинских националистов. Подчеркнул значение подписанного им акта: – Этого ждали миллионы украинцев и много лет.

Тогда Ющенко присвоил Бандере высокое звание Героя Украины «за отстаивание национальной идеи и борьбу за независимое украинское государство» и наградил его орденом Державы, который вручил внуку Степана Андреевича, который работает на Украине, но имеет канадское гражданство.

Президент Ющенко своим указом постановил, что участниками борьбы за независимость признаются «члены формирований Украинской Центральной рады, Украинской народной республики, Западно-Украинской народной республики, Украинского государства (Гетманата), Украинской военной организации, Организации народной обороны “Карпатская Сечь”, Организации украинских националистов, Украинской повстанческой армии, Украинского главного освободительного совета...».

Ющенко поручил тогдашнему правительству страны вместе со Службой безопасности и Национальной Академией наук разработать проект закона «О правовом статусе участников борьбы за независимость Украины в XX веке».

В России указ вызвал протесты и возмущение. Золотая звезда Героя Украины Бандере воспринималась как прощальная злобная выходка Ющенко. Но на Украине есть те, кто считает указ торжеством справедливости. На Западной Украине поклонников Бандеры предостаточно.

Нам эта картина мира представляется перевернутой. Как же это произошло, что наши соседи выбрали себе в герои Степана Андреевича Бандеру?

В ночь на 23 октября 1933 года Сталину, отдыхавшему в Гаграх, шифротелеграммой из Москвы доложили о теракте Организации украинских националистов против советских заграничников. Это было дело рук двадцатичетырехлетнего Степана Бандеры.

Он давно задумал убить советского консула во Львове.

«Боевые действия были направлены против польских государственных органов, против национально-политического гнета и полицейского террора польской власти против украинцев, – рассказывал позднее сам Бандера. – Кроме революционной деятельности против Польши как оккупанта был создан второй фронт противобольшевистской борьбы. Этот фронт был направлен против дипломатических представителей СССР на западноукраинских землях, против большевистской агентуры и компартии».

Оуновцам помог свой человек, который бывал в консульстве. По просьбе Бандеры он составил подробный план помещения и даже набросал портрет консула.

Убить советского дипломата Бандера отправил Миколу Лемика, которого теперь во Львове поминают как героя. Ему было всего восемнадцать лет. Он учился на математическом факультете Львовского университета. Лемик гордился порученным ему делом. Вот одна из черт характера Бандеры, определивших его успех: умение завоевывать сердца и умы молодых украинцев определенного психологического типа. Микола Лемик подчинялся ему беспрекословно. Боевики ОУН замкнулись в своем кругу. Мир сжался до размеров подпольной организации; если вождь одобрил акцию, значит, это правильно.

Бандера дал молодому человеку тридцать злотых, чтобы он купил себе приличную обувь. Лемик был левша. Ему в пиджаке перешили внутренний карман на правую сторону, чтобы он мог выхватить пистолет левой рукой.

Днем 22 октября 1933 года Микола Лемик пришел в консульство. Назвался чужим именем и попросил о приеме. Лемик больше всего боялся показаться трусом или недостаточно надежным членом организации. И был намерен доказать свою храбрость и презрение к врагу. Он вошел в консульство, ощущая себя хозяином жизни и смерти. Судья и палач в одном лице.

В тот день прием граждан вел начальник канцелярии консульства Алексей Майлов. Лемик сказал, что пришел за визой: у него в Советском Союзе сестра, она зовет в гости.

– Покажите письмо, – попросил дипломат.

«Сейчас ты у меня, кацап, почитаешь», – подумал Лемик. Вместо письма он выхватил оружие и застрелил дипломата. Услышав звук выстрела, в комнату влетел дворник. Лемик выстрелил в него и выбежал из консульства.

Убийцу схватила польская полиция, охранявшая советское дипломатическое представительство. Микола Лемик и не сопротивлялся. Он знал, что молодые украинские националисты будут им восхищаться и станут подражать.

Каганович и Молотов переслали Сталину проект ноты польскому правительству:

«21 сего октября на генеральное консульство СССР во Львове было произведено нападение, в результате которого сотрудник названного консульства – Майлов – был убит, а другой сотрудник – Джурай – ранен. Это покушение нельзя не поставить в связь с той кампанией, которая уже в течение продолжительного времени ведется в некоторых воеводствах, из них в частности во Львове, кампанией, не знающей никаких границ в травле, клевете и науськивании на Советский Союз и имеющей целью возбудить известные слои населения против СССР».

После обеда Сталин из Гагр ответил согласием. Ноту советский полномочный представитель в Польше Владимир Александрович Антонов-Овсеенко вручил министру иностранных дел, полковнику Юзефу Беку.

На суде Микола Лемик гордо заявил, что застрелил московского представителя в знак протеста против голодомора, устроенного коммунистами на Украине. Его приговорили к смертной казни. Поскольку убийце не исполнилось еще двадцати одного года, заменили пожизненным заключением.

Выстрел в дипломата не был актом отчаяния и протеста беспомощного одиночки, это была продуманная стратегия. Убийство политического врага, внушали боевикам, не только необходимость, но и долг. Неважно, что убит невинный человек. Цель оправдывает средства. Этому принципу Степан Бандера и его соратники не просто молчаливо следовали. Они превозносили террор. Сначала охотились за польскими чиновниками и представителями советской власти, потом националисты взялись друг за друга. В конце концов даже священнослужители попали под жернова жестокой моды.

В честь Степана Бандеры на западе Украины открыты музеи. Я побывал в трех.

Огромный мемориальный комплекс воздвигли в его родных местах.

Степан Бандера родился 1 января 1909 года в селе Старый Угрынов (ныне это Ивано-Франковская область). Мать, Мирослава Владимировна, уйдет из жизни рано, умрет от туберкулеза весной 1922 года, сразу после рождения восьмого ребенка. Но и девочка, названная в честь матери Мирославой, не выжила. У овдовевшего отца осталось на руках семеро детей. Четверо сыновей: Степан, Александр, Василь, Богдан. Три дочери: Марта-Мария, Владимира и Оксана.

Андрей Михайлович Бандера был убежденным националистом. После гимназии он поступил на богословский факультет Львовского университета и стал греко-католическим священником. Мирослава Владимировна происходила из семьи заметных в Галиции людей. Ее отец Владимир Глодзинский был священником, а братья не были обойдены общественным темпераментом.

Галиция тяготилась ролью заброшенной австрийской, а затем польской провинции. Здесь украинская национальная идея обрела воинственные, агрессивные черты. Объяснение, возможно, следует искать в психологии исполненных предрассудками галицийских крестьян, которые во всем видели происки внешних врагов. Да и принадлежность к собственной – униатской, то есть греко-католической – церкви делала обитателей Галиции обособленной общностью.

Когда-то у галицийской украинской интеллигенции был «роман» с Польшей. Возможно, потому, что поляки тоже страстно стремились к независимости. Привлекательность Польши состояла в том, что она являлась частью иного, западного мира. Часть украинской знати в пику Петербургу отдавала предпочтение польскому языку и польской культуре. Остался в память об этом монумент великому польскому поэту Адаму Мицкевичу в центре Львова. И украинский гимн «Ще не вмерла України» очень напоминает польский – «Еще Польша не згинела».

Гоголь писал о том, что украинский народ не хотел идти под власть русских царей, потому что «дышал вольностью и лихим казачеством и хотел пожить своей жизнью». Национально мыслящие украинцы мечтали о государственной самостоятельности и ненавидели российскую элиту за то, что Россия не признавала за украинцами этого права. Богдан Хмельницкий, столь любимый в Москве, для многих украинцев – предатель.

История украинской государственности небогата. Княжили Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Даниил Галицкий, Богдан Хмельницкий... Да еще и вопрос, кем можно гордиться. Богдана Хмельницкого трудно считать героем: у него руки по локоть в крови. В 1648–1649 годах он устроил на Украине чудовищный еврейский погром.

Сохранилось его описание:

«С некоторых сдирали кожу, а их тела скармливали собакам. У других отрубали руки и ноги и бросали на дорогу, где они попадали под колеса телег и копыта лошадей. Многих заживо погребали. Одних детей убивали на груди матерей, а других разрывали как рыбу. Вспарывали животы беременных женщин, вытаскивали неродившихся детей и бросали им в лицо. Некоторым разрезали животы и сажали туда живых кошек, отрубая жертвам при этом руки, чтобы они не могли их вытащить».

Да еще были два с лишним года самостоятельности Украины во время Гражданской войны. Депутатом законодательного собрания недолго существовавшей Западно-Украинской народной республики избрали и отца Бандеры. Так что политические взгляды достались Степану Андреевичу по наследству.

«Я вырос в атмосфере украинского патриотизма и живых национально-культурных, политических и общественных интересов, – писал Бандера в своей автобиографии. – Дома была большая библиотека, часто съезжались активные участники украинской национальной жизни Галичины, родственники и их знакомые. В октябре-ноябре 1918 года десятилетним мальчиком я пережил волнующие события возрождения и строительства украинской державы. С ноября 1918 года наша семейная жизнь проходила под знаком строительства украинской государственной жизни и охраны независимости».

После того как польские войска сокрушили Западно-Украинскую республику, вся семья отступила вместе с малочисленной Украинской Галицкой армией. Когда стало ясно, что поляки окончательно взяли верх, в сентябре 1919 года, Мирослава Владимировна с детьми вернулась в родное село Старый Угрынов. Андрей Михайлович присоединился к семье только летом 1920 года. И вновь стал священником.

В Варшаве западноукраинские земли именовали Восточной Малопольшей, не признавали за украинцами права на минимальную автономию. Это породило отчаяние и озлобление среди западных украинцев. Андрея Михайловича Бандеру, несмотря на то что он священник, польские власти арестуют «за антипольскую агитацию»...

А Степана Бандеру в сентябре 1919 года приняли в украинскую гимназию города Стрый. Там жили родители отца, они и заботились о внуке. Подростком он состоял в спортивно-патриотической организации «Пласт» (украинские скауты). Состоял в 5-м пластовом курене имени князя Ярослава Осмомысла, затем во 2-м курене старших пластунов «Отряд Красная Калина».

В 1927 году после гимназии вернулся в родное село. Намеревался ехать в Чехословакию – учиться в Украинской хозяйственной академии, но не получил заграничный паспорт. Потерял год. Сидел дома, работал в читальне «Просветы», вел любительский театальный кружок и хор. Осенью 1928 года поехал во Львов. Его приняли на агрономический факультет Львовского политехнического института. Он намеревался стать агрономом. Но диплом не получил из-за ареста.

Студент Бандера вовлекся в борьбу за независимое государство. В 1928 году вступил в подпольную ячейку Украинской военной организации полковника Евгена Коновальца. На следующий год присоединился к Организации украинских националистов и быстро оказался на первых ролях. Его избрали членом краевой экзекутивы (руководства) ОУН. Он возглавил отдел пропаганды, распространял перевозимые через границу издания на украинском языке.

– Организация украинских националистов, – убежденно говорил Бандера, – это освободительная политическая организация, которая своими целями, идеями и практической деятельностью разительно отличается от всех других партий. ОУН сражается во имя всего украинского народа, а не какой-то его части.

Когда 10 апреля 1931 года умер избитый польскими полицейскими студент Львовского университета Степан Охримович, Бандера превратил его похороны в демонстрацию против польской власти над украинским народом. Эта демонстрация сделала молодого Бандеру популярным среди украинского населения.

Его активисты призывали украинское население не покупать водку и табак, поскольку доходы от них поступали в бюджет польского государства. Организовали громкую акцию в школах: ученики-украинцы демонстративно выбрасывали из окон польские гербы, на уроках отказывались отвечать по-польски и кричали учителям-полякам, чтобы они уезжали к себе в Польшу.

В 1932 году двадцатитрехлетнего Бандеру избрали заместителем председателя Организации украинских националистов – это было признание его заслуг. Особенно соратники оценили убийство ненавистного им польского офицера – начальника «украинского отдела» львовской полиции, которого застрелили ранним утром прямо на улице. После этого Бандера возглавил подполье ОУН на Западной Украине. Одного из его предшественников на этом посту застрелили, другой умер в тюрьме, третий сидел за решеткой, четвертый уехал за границу...

Степану Бандере было всего двадцать четыре года. Он стал кумиром западноукраинской молодежи. Ради него шли на смерть. С юности его отличали упорство, воля, целеустремленность. Низенький (167–168 сантиметров) и щуплый, он не отличался крепким здоровьем. Вспоминал: «Ревматизмом суставов я болел с раннего детства, часто не мог ходить, в 1922 году провел около двух месяцев в больнице из-за водяной опухоли в колене». Пытался победить болезнь спортом, бегал, плавал и добился своего. Воспитывал волю и стойкость, учил себя противостоять пыткам. Однажды старшая сестра Марта застала его с окровавленными пальцами. Он сам втыкал себе под ногти иголки...

Когда и Западная Украина станет советской, начальники областных управлений госбезопасности получают ориентировку на Бандеру:

«Будучи студентом сельскохозяйственной академии, он, готовясь к возможным репрессиям за проведение активной националистической деятельности, тренировал свою волю – колол себя иглами и так далее. В случаях зубной боли к врачам не обращался, а зубы рвал у кузнеца».

Степан Бандера сознательно отказался от табака и алкоголя. Играл на пианино, гитаре, мандолине, бандуре. Легко сходился с людьми и подчинял их своему влиянию.

Боевики из Организации украинских националистов мечтали о своем государстве, в котором установят национальную диктатуру, избавятся от поляков, русских, евреев и останутся наконец одни! Украина – только для этнических украинцев, остальные народы, живущие рядом, – враги, лишние на этой земле: их надо изгнать или уничтожить.

Летом 1934 года Степан Бандера, как краевой проводник ОУН, подготовил в Варшаве самый громкий теракт предвоенного времени – против министра внутренних дел Польши генерала Бронислава Перацкого. Это был ответ на «злodeяния против украинского народа»: министр жестко преследовал украинских националистов. Решение убить министра приняли на тайном совещании в Берлине, в котором участвовали основные вожди ОУН от Коновальца до Бандеры.

Совершить теракт изъявили желание трое добровольцев-оуновцев. Бандера выбрал работавшего в цинкографии Грица Мацейко, псевдоним «Гонта».

15 июня министр Перацкий приехал в клуб. Он вылез из машины и пошел к входу. Грицу Мацейко снарядили бомбой и пистолетом. Бомба – самодельная, изготовленная в краковской химической лаборатории ОУН, – не сработала. Тогда боевик вытащил пистолет, подбежал к министру и несколько раз выстрелил в Перацкого. Все это произошло на глазах дворника, открывавшего министру дверь.

– Министра Перацкого застрелили! – закричал он и бросился за убийцей вдогонку.

Гриц Мацейко, фантастически хладнокровный человек, как ни в чем не бывало шел по улице, посвистывая.

– Это он! – кричал дворник на всю улицу.

Только тогда Мацейко побежал. Его пытался задержать охранник, дежуривший у здания японского консульства. Мацейко выстрелил, и тот испуганно отскочил. За убийцей пустился вслед полицейский – его Мацейко ранил. И сумел убежать. Его вывезли в Чехословакию, оттуда в Аргентину.

В ходе массовой облавы польская полиция арестовала Бандеру. Нашли студента-химика, который готовил для Грица Мацейко бомбу. А со студентом работал Бандера... К тому же

полиция получила доступ к секретному архиву ОУН, что позволило следствию установить руководителей подпольной организации. На скамью подсудимых в ноябре 1935 года посадили двенадцать человек, причастных к теракту.

Через много лет, в ноябре 1948 года, в следственной части министерства госбезопасности Украины допрашивали престарелого адвоката Владимира-Станислава Горбового, переданного чекистам польскими коллегами. Он рассказал, что взялся тогда защищать Степана Бандеру по просьбе его отца.

На процессе в Варшавском окружном суде Бандера держался очень стойко и завоевал славу человека, преданного украинскому национальному движению:

– Вины за собой не признаю. Свою революционную деятельность я считаю исполнением своих обязанностей.

На процессе клеймил не только польскую власть, но и советскую:

– ОУН выступает против большевизма, потому что большевизм – это система, с помощью которой Москва поработила украинскую нацию, уничтожив украинскую государственность. Большевизм методами физического уничтожения борется на восточноукраинских землях с украинским народом, а именно – массовыми расстрелами в подземельях ГПУ, уничтожением голодом миллионов людей и ссылками в Сибирь, на Соловки. Большевики применяют физические методы, поэтому и мы применяем в борьбе с ними физические методы...

Бандера отказался говорить по-польски. Демонстративно отвечал только на украинском, пока судья не приказал вывести его из зала.

13 января 1936 года его приговорили к смертной казни. Заменили пожизненным заключением, поскольку именно в тот момент польский сейм объявил амнистию. А уже в мае повезли во Львов – на новый процесс в окружном суде. Держали в тюрьме Бригидка. На сей раз два десятка руководителей ОУН судили за преступную антигосударственную деятельность и теракты. Новый приговор для Бандеры значения не имел: ему все равно предстояло провести за решеткой остаток жизни.

Бандера сидел в трех разных тюрьмах. Трижды объявлял голодовку: одну держал девять дней, другую тринадцать, третью – шестнадцать.

Другие лидеры украинского движения осудили громкий теракт, поскольку убийство министра стало поводом для репрессий против украинцев на территории Польши. Начались аресты «подрывных элементов». Для них в полесской местности Береза Картусская создали «лагерь изоляции», как он именовался в польских документах.

В Варшаве пришли к выводу, что в убийстве министра виновны не только боевики ОУН, но и все, кто пытается дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в стране: «лица, деятельность либо намерения которых дают основание допускать, что с их стороны грозит нарушение безопасности, мира либо общественного порядка». Арестовали поэтому не только украинских националистов, но и польских коммунистов. Решение принимали административные органы без решения суда. Задержанного доставляли в полицию, где предъявляли извещение об отправке в лагерь. Ни обжаловать решение, ни оспорить...

Правила внутреннего распорядка лагеря в Березе Картусской были скопированы с армейских:

- 4.00–5.00 – подъем, умывание, уборка;
- 5.00–5.30 – завтрак, мытье посуды;
- 5.30–6.30 – переключка, рапорт, проверка помещений;
- 6.30–11.30 – работа, упражнения;
- 11.30–13.00 – обед, мытье посуды, отдых;
- 13.00–17.00 – работа, упражнения;
- 17.00–18.00 – возвращение на территорию лагеря, переключка;
- 18.00–19.00 – ужин, мытье посуды;

19.00–19.15 – приготовление ко сну;
19.15 – отбой.

Запрещались разговоры, курение, получение продуктовых посылок. Передвигаться по территории лагеря – только бегом. Кто отставал – били. Кормили впроголодь: жидкий суп и четыреста граммов хлеба в день. В казармах теснота и невыносимый смрад, вечно переполненная параша, выносить которую ночью не позволяли. Задача – физически и психологически изнурять заключенных, чтобы подавить «враждебные антипольские настроения».

В лагере содержалось больше трех тысяч заключенных. За пять лет тринадцать похоронили. Один покончил с собой. Но много больше умерло в больнице в Кобрине, куда отправляли заболевших узников. В 1935 году здесь служили 64 полицейских, в 1937-м – 112, в 1938 – 102, в 1939 – 131. Жизнь в казарменных условиях, изоляция от внешнего мира не нравились самим польским полицейским. Не все же рождены палачами. Лагерь действовал до 18 сентября 1939 года, когда немецкие войска разгромили польскую армию и страна стала разрушаться.

Шоколад от Судоплатова

Пока Степан Бандера сидел в тюрьме, советские чекисты по-своему позаботились о его карьере. Нарком внутренних дел, генеральный комиссар госбезопасности Николай Иванович Ежов, распорядился уничтожить признанного главу украинских националистов – полковника Евгена Коновальца. За ним охотились и Москва, и Варшава. У Коновальца был литовский паспорт, по которому он с марта 1930 года жил в Женеве. Но в 1936 году его выслали из Швейцарии.

23 мая 1938 года начинавший свою карьеру в разведке будущий генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов в самом центре Роттердама преподнес Коновальцу коробку конфет.

Судоплатов, родившийся в Мелитополе, рано остался без родителей. Совсем юным его взяли в органы госбезопасности на Украине, потом перевели в Москву, в отдел кадров ОГПУ. В 1932 году он приступил к службе в иностранном отделе.

В июле 1935 года агент НКВД в Финляндии представил молодого человека, прибывшего с Советской Украины, членом главного провода (руководства) ОУН Емельяну Сенику-Грибовскому и Дмитро Андреевскому. Павел Судоплатов выдавал себя за искреннего сторонника независимости Украины.

Не так много людей приходило с той стороны. Судоплатова привели к Коновальцу. Они встречались потом в Париже и Берлине. Судоплатова чекисты устроили на торговый флот, и это прикрытие позволяло ему свободно появляться в европейских столицах.

В тот день они встретились с Коновальцем в центре Роттердама в кафе. Было без десяти двенадцать. Судоплатов страшно торопился, объяснил: нужно возвращаться на судно.

Полковник Коновалец обожал шоколадные конфеты. Коробку московские чекисты начинили взрывчаткой. Судоплатов нес ее в вертикальном положении. Вручая полковнику, повернул, как положено, в горизонтальное. И тем самым привел в действие взрыватель. Через несколько минут, когда Коновалец проходил мимо кинотеатра, взрыватель сработал. Создателя ОУН буквально разнесло на куски.

Смерть Коновальца открыла дорогу Бандере, который оказался куда более опасным врагом советской власти. Правда, пока он сидел в польской тюрьме, 14 октября 1938 года главой Организации украинских националистов стал бывший полковник Андрей Антанасович Мельник, который обосновался в Италии под крылышком у Бенито Муссолини.

Мельник, инженер по образованию, в Первую мировую оказался в плену вместе с Коновальцем. В Гражданскую войну стал начальником штаба сечевых стрелцов. Вместе с полковником Коновальцем участвовал в терактах Украинской военной организации. Поляки на четыре года упрятали его за решетку.

Коновалец и Мельник женились на сестрах – дочках львовского адвоката Степана Федака. Это была семья с определенными традициями. Сын адвоката Степан Степанович Федак, студент Львовского университета, участвовал в неудачной попытке убить маршала Пилсудского.

Избрание Андрея Мельника главой ОУН утвердил второй великий сбор (съезд), проходивший 26–27 августа 1939 года в Риме. Бандера ненавидел Мельника, мешавшего ему развернуться. Против Мельника и его «стариков» взбунтовалось молодежное крыло ОУН. Нетерпеливые и радикально настроенные, в основном студенты, молодые оуновцы упрекали немолодого Мельника в робости и недостатке решимости. Те, кто с риском для жизни действовал в подполье, не хотели подчиняться эмигрантам, укрывшимся в Европе.

Они искали волевого и отчаянного человека и увидели вождя в Бандере.

Судьбу Степана Андреевича решил Адольф Гитлер, напав на Польшу 1 сентября 1939 года. Бандера сидел в тюрьме в Бресте, который тогда был польским.

«В первый же день войны город бомбили немецкие самолеты, – вспоминал он сам. – 13 сентября, когда положение польских войск на этом направлении стало критическим из-за опасности окружения, тюремная администрация поспешно эвакуировалась. И я вместе с другими узниками вышел на свободу».

Бандера двинулся во Львов, охваченный определенными надеждами. Но выяснилось, что украинским националистам рассчитывать не на что. Львовская область отошла к Советскому Союзу.

«Во Львове я пробыл две недели, – рассказывал Степан Бандера. – Жил конспиративно, однако в связи с начальной неразберихой пользовался свободой передвижения».

Чекисты его упустили, хотя именно во Львове обосновался со своими подчиненными новый нарком внутренних дел Украины комиссар госбезопасности 3-го ранга Иван Александрович Серов.

«Во второй половине октября 1939 года я покинул Львов, – вспоминал Бандера, – и вместе с братом Василием, который вернулся во Львов из польского концлагеря в Березе Картусской, и с четырьмя другими членами перешел советско-немецкую демаркационную линию окружными дорогами, частью пешком, частью поездом. Прибыл в Краков. Краков стал в этот час центром украинской политической, культурно-просветительской и общественной жизни на западных окраинах украинских земель под немецкой оккупацией».

Обосновавшись в Кракове, он женился. И начал новую политическую жизнь. Под немецкой властью чувствовал себя достаточно спокойно. В ноябре поехал на две недели в Словакию лечить ревматизм. Оттуда двинулся в Вену. Повсюду встречался с оказавшимися в эмиграции деятелями украинского движения. Знакомился. Или возобновлял отношения. Выяснял, кто чем занимается, кто на каких позициях стоит.

В начале января 1940 года Степан Бандера поехал к Андрею Мельнику в Рим. Уговаривал обновить руководство ОУН, ввести более стойких и надежных людей и выгнать всех, кого подозревал в работе на польскую полицию.

«Этот разговор ни к чему не привел», – констатировал Бандера.

Тогда он решил сам стать наследником Евгена Коновальца.

Вернувшись из Рима, Степан Андреевич собрал 10 февраля 1940 года в оккупированном немцами Кракове членов ОУН. Пришли человек сорок. Рассказал о неудачных переговорах с Мельником и получил полную поддержку. 12 февраля молодые активисты, среди которых тон задавали боевики, только что освобожденные из польских тюрем, создали свой Революционный провод и объявили вождем Бандеру.

В марте 1941 года его сторонники созвали в Кракове новый второй великий сбор ОУН. Делегаты поддержали линию Бандеры на создание независимой Украины путем вооруженной борьбы. Именно тогда одобрили приветственный жест (правая рука поднимается вправо и наискось – чуть выше головы) и формулу приветствия, которой члены организации должны были встречать друг друга:

– Слава Украине!

– Героям слава!

Заодно исключили из организации захватившего власть «вопреки уставу» Андрея Мельника и запретили ему выступать от имени ОУН.

Считалось, что Коновалец говорил одному из руководителей ОУН Емельяну Сенник-Грибовскому: после моей смерти организацию должен возглавить Мельник. Но выяснилось, что Сенник все это придумал. Делегаты постановили отказаться от вождистских традиций и избирать главу ОУН демократическим путем каждые четыре года.

Бандера считал себя наследником Коновальца и главой украинского национального движения. Тех, кто хранил верность полковнику Мельнику, воспринимал как врагов. Сенника-Гри-

бовского, которому Мельник поручит в сорок первом – после ухода Красной армии – провозгласить в Киеве независимость Украины, убьет один из бандеровцев...

Судьба Западной Украины

1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу. Началась Вторая мировая война, потому что Франция и Англия, выполняя обязательства, данные Польше, объявили войну Германии.

9 сентября нарком иностранных дел Молотов распорядился отправить немецкому послу телефонограмму: «Я получил ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской империи».

17 сентября в два часа ночи немецкий посол Шуленбург, военный атташе генерал Кёстринг и советник Хильгер были приглашены к Сталину. Он сказал, что в шесть часов утра Красная армия перейдет советско-польскую границу. Генерал Эрнст Кёстринг сказал, что за эти несколько часов немецкое командование не успеет предупредить все наступающие части и потому возможны столкновения. Нарком обороны Ворошилов ответил Кёстрингу, что немцы с их организационным талантом справятся и с этим.

17 сентября 1939 года, выступая по радио, Молотов сказал, что советские войска с освободительной миссией вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии.

Когда Польша была разгромлена, Молотов с удовольствием сказал на сессии Верховного Совета:

– Правящие круги Польши немало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной армии, чтобы ничего не осталось от уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения польских национальностей.

Полвека спустя молотовскую цитату активисты профсоюза «Солидарность» будут расклеивать на улицах Варшавы в виде листовок. Секретные протоколы, подписанные Молотовым с нацистским министром иностранных дел Риббентропом, удар в спину оборонявшейся от немцев польской армии в сентябре 1939-го и расстрел польских военнопленных в 1940-м и по сей день определяют отношение поляков к России...

В первом издании Большой Советской Энциклопедии, которое вышло в 1940 году, говорилось: «Польша – географическое понятие. Вошла в сферу государственных интересов Германии».

Ненависть украинцев к полякам была настолько сильной, что вступление Красной армии на территорию Западной Украины осенью тридцать девятого года прошло спокойно (см. «Отечественная история», № 1/2003).

Красноармейцев встречали цветами как освободителей от польского гнета. Поначалу социальная политика советской власти даже нравилась. Но как только началась ускоренная советизация, настроения изменились.

Западную Украину включили в состав Советского Союза, и органы НКВД ускоренными темпами проводили чистку новых областей от антисоветских элементов. Работу, которую чекисты на территории Советского Союза выполняли уже два десятилетия, на новоприсоединенных областях требовалось провести в сжатые сроки.

Крестьян оттолкнула насильственная коллективизация. Начались репрессии, массовые высылки мнимых «кулаков». Это превращало западных украинцев во врагов Москвы.

Известный кинорежиссер и драматург Александр Петрович Довженко в июле сорокового года поехал на Буковину, куда только что вступили советские войска. Делился впечатлениями:

– Наши ведут себя плохо. На Западной Украине нас встречали в прошлом году изумительно, а теперь мы довели до того, что там ширится повстанческое движение. Теперь то же самое повторяют в Буковине. Хватают без разбору людей правых и виноватых.

Слова кинорежиссера старательно фиксировали окружавшие его осведомители. Докладывали начальству: «Довженко считает, что Сталин не получает должной информации, что

до него многое не доходит. Сталину не рассказывают о всех фактах насилий, грабежа, издевательств, которые допускали наши работники на Западной Украине».

Именно тогда Организация украинских националистов стала восприниматься как защитник украинского народа.

А на оккупированной польской территории руководство ОУН искало контактов с командованием вермахта. Степаном Бандерой заинтересовались немецкие военные разведчики. С санкции начальника абвера (военной разведки и контрразведки) адмирала Вильгельма Канариса Бандере предложили деловое сотрудничество.

После войны взятый в плен полковник абвера Эрвин Штольце рассказал:

«Летом 1940 года мною был принят Бандера, который в разговоре со мной обвинял Мельника в пассивности, доказывал, что он – Бандера – является избранным вождем националистов, однако для пользы дела он примет все меры, чтобы примириться с Мельником.

Через несколько дней мною также был принят Мельник. Мельник обвинял Бандеру в карьеризме, что он своими необдуманными действиями погубит подполье, созданное на территории Советской Украины.

Бандера по характеру энергичный, карьерист, фанатик и бандит.

Мельник – спокойный, интеллигентный человек.

После моих встреч Мельник и Бандера встречались между собой. Во время встречи к примирению не пришли, а, наоборот, обострили свои взаимоотношения. Мельник поехал в Италию, якобы к жене убитого Коновальца, поэтому Бандера, по сути, возглавлял националистическую деятельность и подрывную работу.

В августе 1941 года адмирал Канарис поручил мне прекратить связь с Бандерой и во главе националистов удержать Мельника. Бандеру это обозлило, так как он считал, что его связь с нами есть признание его в качестве руководителя националистического движения, а не нашего агента».

Степан Бандера и другие руководители украинских националистов видели, как ведут себя немцы на оккупированной территории. Преступления нацистов их нисколько не смущали. Напротив, уничтожение поляков и евреев вполне устраивало. Они были уверены, что к ним немцы отнесутся иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.